

УДК 821.111

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ СОФИ В РОМАНЕ У. СТАЙРОНА «ВЫБОР СОФИ»

А.В. ЗАХАРЕНКО

(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н.В. НЕСТЕР)

Рассматриваются особенности изображения Софи в романе американского писателя У. Стайрона «Выбор Софи» (Sophie's Choice, 1979).

Одной из значимых частей романа У. Стайрона «Выбор Софи» является описание жизни Софи, так как через ее рассказ писатель стремился изобразить действительность концлагеря, делая повествование более реалистичным. О тяжелой судьбе героини нам помогает узнать начинающий молодой писатель Стинго, который планирует написать роман. Он выступает не только как друг Софи, но и как своеобразный исповедник, психолог. Она доверяет ему все тайны и переживания, а Стинго, анализируя их, раскрывает мотивы и причины поступков женщины и ее эмоций, и одновременно, открывает для себя всю правду мира.

«В течение двадцати лет Софи и ее жизнь – ее прошлая жизнь и то время, что мы провели вместе, – а также Натан и удручающие сложности его взаимоотношений с Софи, все связанные с этим и непрерывно ухудшавшиеся обстоятельства, приведшие эту несчастную прелестную польку с льняными волосами напрямик к гибели...»¹ [2, с. 298] – именно так Стинго описывает жизнь Софи. По его мнению, Софи – красивая польская женщина с льняными волосами, да и многие мужчины находят привлекательной, «лакомой штучкой»² [2, с. 58]. При первой встрече Стинго был восхищен Софи, ее улыбкой, фигурой и красотой, однако во всем ее безупречном образе скрывалась некая тайна. Софи умела производить правильное впечатление, утешать и утихомирить спорящих людей. Однако себя она считала бесхарактерной и слабой, и, чтобы скрыть это, надевала маску счастья и веселья. Стинго был для нее как исповедник, героиня рассказывала свою историю жизни, чтобы принять правду самой: «Но тут, понимаешь, Язвинка, я должна сказать тебе правду, которую я до сих пор не могу ухватить или сделать настоящим ясной»³ [2, с. 341].

До этого Софи искусно создавала себе фальшивый образ, маску, и порой кажется, что героиня уже сама поверила в свою ложь. После каждого рассказа ей становится плохо, например, когда Софи пыталась рассказать об Освенциме: «– Освенцим. – Потом сказала: – Я там долго была. Longtemps. – Помолчала. – Vous voyez... – Снова пауза»⁴ [2, с. 71]. Повествователь стремился показать через описание реакций на эмоции, как трудно вызывать в сознании воспоминания и как трудно ими делиться с кем-то. Или, например, случай, когда Софи рассказывала про коменданта Освенцима: «...Софи изложила мне эпизод с Хессом с лихорадочной поспешностью и в то же время так старательно, с такими деталями... затем вдруг беспомощно разрыдалась от воспоминаний, а также от эмоциональной усталости и напряжения...»⁵ [2, с. 303]. Душа женщины стремилась сбросить груз воспоминаний, освободиться от них, именно поэтому героиня так быстро говорит и детально описывает всех героев. Стинго же показывает эмоциональное состояние Софи, а также, проведя психологический анализ (косвенная форма), указывает, почему оно возникает. Однако Стинго привык к ее задумчивому настроению, так как оно сопровождало Софи перед каждым рассказом: «...весь ее облик выражал не поддающуюся описанию гамму чувств... тут были растерянность, недоумение, припомнившийся ужас, вернувшееся горе, злость, ненависть, сознание утраты, любовь, смирение – все это, пока я смотрел на Софи, смешалось в ней мрачным клубком»⁶ [2, с. 562]. Повествователь описывает все чувства, которые отражаются в образе Софи, однако он не показывает, как они развиваются, а просто перечисляет их.

¹ For twenty years Sophie and Sophie's life – past life and of our time together – and Nathan and his and Sophie's appalling troubles and all the interconnected and progressively worsening circumstances which led that poor straw-haired Polish darling headlong into destruction... [1, p. 152].

² some dish [1, p. 33].

³ But you see, Stingo, there is a truth I must tell you that even now I can't understand or truly make clear [1, p. 172].

⁴ «Oświęcim». Then she said, «I was there for a long time. Longtemps». She paused. «Vous voyez...» Another pause» [1, p. 39].

⁵ ...she blurted out to me the episode with Höss in such feverish yet careful detail ... the memory and the emotional fatigue and strain it caused her made her break off in helpless tears... [1, p. 154–155].

⁶ She had assumed that I had become so accustomed to, hands cupped lightly over her eyes in an attitude that contained an inexpressible combination of emotions... perplexity, amazement, recollected terror, recaptured grief, rage, hatred, loss, love, resignation – all these dwelt there for an instant in a dark tangle even as I watched [1, p. 279].

Софи многое скрывала от всех, особенно о том, что произошло с ее детьми на войне и о своем отце. Она стыдилась его, а тот факт, то дочь помогала профессору, несмотря на то, что против воли, не давал ей покоя и мучил ее чувством вины, словно сама Софи совершила преступление против человечества. Поэтому, чтобы спасти свой статус и свое сознание, героиня выдумала личность своего отца и своей жизни и сама поверила в эту ложь: *«Нелегко ей рассказывать об этом, призналась она мне, кусая губы и нервно почесывая серую кожу запавшей щеки, – особенно трудно признаваться во лжи ... Она понимала, что теперь ей и в другом не станут верить, после того как совесть вынудила ее признать, что она все это просто выдумала про своего отца... эта выдумка... служила хрупким барьером... которую она воздвигала между теми, кто был ей дорог... и душившим ее чувством вины»*⁷ [2, с. 329]. Таким образом, Софи пыталась сберечь близких людей от разочарований в себя, а также сберечь себя от негативных последствий своего детства. В данной ситуации используется прямой психологический анализ, где автор раскрывает внутреннее переживание Софи по поводу своей лжи, а также раскрывает причины, почему женщина все время говорила неправду.

Еще одной большой ложью была любовь к Казику, мужу Софи: *«Вот так, Язвинка, я уже долго живу с этим очень, очень сильным чувством вины, от которого не могу избавиться, хоть и знаю, что для этого нет причины, как сказала мне та еврейка в Швеции, она все пыталась мне внушить, что главное – мы же любили друг друга, а не то, что так глупо поссорились. Но во мне все равно сидит это сильное чувство вины. Знаешь, Язвинка, странная вещь – я снова могу плакать, и это, наверно, значит, что я снова стала человек. Наверно, хоть это во мне – человеческое. Кусочек человека, а все-таки человек»*⁸ [2, с. 119]. На самом деле Софи никогда не любила своего мужа, ей его навязали, так как Казик помогал профессору. Теплое и нежное чувство, которое здесь описывает автор, героиня питала к Юзефу, любовнику. Они познакомились во время войны, парень был младше Софи, однако это не мешало их отношениям. Однако в те времена героине постыдно было признаться в измене, да и признаться самой себе, что до войны своей собственной жизни у нее не было, ей не давали сделать выбор, поэтому проще было солгать и принять свою ложь за правду. В данном случае используется самоанализ, чтобы создать для читателя принцип правдоподобия. Также автор сохраняет особенность речи Софи, когда та говорит о своих эмоциях и изменениях в душе. Война стирает человеческие эмоции, но разговор со Стинго помог женщине вновь обрести в себе человека.

И как бы женщина не пыталась спрятаться за маской, что у нее все прекрасно, прошлое все равно возвращалось и мешало ей жить: *«...пытаясь опереться на рассудок, пытаясь отбросить прошлое подальше от границ памяти, она считала, что вполне владеет собой, а на самом деле она была на грани эмоционального срыва и распорядилась своим будущим не больше, чем щенок, брошенный в водоворот»*⁹ [1, с. 429]. Автор использовал психологический анализ, показав, как одно эмоциональное состояние ощущается параллельно другому, при этом сама героиня не осознает этого. Также повествователь отображает, какие маски носила героиня и что за ними скрывалось.

Единственным выходом и искуплением вины Софи видела в смерти, поэтому и не раз задумывалась о самоубийстве: *«Мне так стыдно про то, что я сделала, Язвинка: когда я уплыла в океан... Но я тебе скажу правду: я много раз после войны думала убить себя. Это на меня находит и уходит»*¹⁰ [1, с. 562]. Чтобы совершить самоубийство требуется мужество и пока Софи не готова убить себя, поэтому желание непостоянно, но появляется. Как пишет М. Медельсон в своей статье, Софи «... все время жила с чувством, что «она обречена на гибель». Ее «выбор» это в конце концов «выбор смерти»» [3, с. 383].

⁷ It was not easy for her to tell all this, she confessed to me, biting her lips and nervously fingering her drawn and ashen cheek; it was especially difficult to reveal one's lies ... She realized how it undermined her credibility in other matters when she now was forced out of conscience to admit that all that stuff about her father was a simple fabrication ... a fabrication ... served up to provide a frail barrier, a hopeless and crumbly line of defense between those she cared for ... her smothering guilt [1, p. 166].

⁸ «So, Stingo, I have lived long with this very, very strong guilt which I can't lose, even though I know it has no reason, like that Jewish woman in Sweden said, when she try to make me see that the love we had was the most important thing, not the silly fight. But I still have this strong guilt. Funny, Stingo, you know I have learned to cry again, and I think perhaps that means I am a human being again. Perhaps that at least. A piece of a human being, but yes, a human being [1, p. 64].

⁹ ...trying to hold on to her reason, trying to thrust away the past from the rim of her memory, she thought she was in control of herself..., but in reality she was on the verge of becoming emotionally unhelmed, no more in command of her destiny than a puppy that has been hurled floundering into a turbulent pool [1, p. 216]

¹⁰ «I'm so ashamed about what I done, Stingo – when I swam out into the ocean ... But I will be truthful with you when I say that there have been many times since those days in the war when I have thought to kill myself. It seems to come and go in this rhythm [1, p. 279–280].

После войны через некоторое время жизнь Софи налаживается, особенно, когда в ней появляется Натан. Он казался женщине настоящим спасением: «... *весь прошлый год он [Натан] своим отношением – будь то под влиянием наркотиков или без них, – своим присутствием в ее жизни, самим своим существованием подарил ей счастливейшие дни. Она поняла тогда, какой была беспомощной, как плыла по течению, когда приехала в Бруклин*»¹¹ [2, с. 429]. Софи не важно, каким был человек на самом деле, так как она любила нездорового мужчину и их нездоровые отношения, ревность, постоянные скандалы помогали ей забыть. Об этом Софи рассказывает сама, размышляя о своих отношениях с Натаном после расставания, однако в произведении ее самоанализ дается от третьего лица.

Мужчина часто избивал героиню и издевался над ней, но, тем не менее, она к нему возвращалась, прощала и считала себя виновной в конфликтах: «*Она не сжимается от боли, а как бы поглощает ее, собирает в некоем погребе или мусорном ведре, находящемся в глубине ее существа, где уже отложились все его дикие выходки – его угрозы, его издевки, его проклятья. Она и не плачет – пока что, – лежа в густом лесу... такая маленькая и одинокая, на открытой площадке, среди гонимых ветром листьев и мусора*»¹² [2, с. 469]. В героине уже не осталось гордости и достоинства, она спокойно терпит физическую боль, как будто заслужила такое к себе отношение. Софи с помощью боли пыталась искупить вину за перенесенные тяготы ее прошлого, за ее выбор и поступки. Это помогало ей заглушить боль душевную, забыть и отвлечься от мрачных мыслей. Автор показывает, что происходит во внутреннем мире Софи, здесь совмещены и художественные детали (душа как погреб), описание окружающего мира, которые создают зловещую атмосферу сцены, но мотивы не указывает, что говорит о косвенной форме психологизма.

После расставания с Натаном Софи признается Стинго: «*Я поняла, что я рада, что Натан оставил меня так. То есть правда, по-настоящему рада. Я была так много зависима от него, понимаешь, а это не очень здоровая вещь. Я без него шевельнуться не могла. Я не могла принять самое простое маленькое decision – сначала думала, как хочет Натан. О, я знаю, я в таком большом перед ним долгу, он столько много для меня сделал, я это знаю, но это такая была у меня болезнь – стать для него такой маленькой кошечкой, которой он играл*»¹³ [2, с. 484]. На самом деле Софи зависела от людей, которые были вокруг нее, особенно от мужчин, скорее всего это сложилось из-за ее отношений с отцом, для которого дочь была служанкой. И женщина это прекрасно осознавала, что это, как она назвала, ее болезнь – быть прислужницей кого-нибудь. По словам Софи, кажется, что она смирилась с утратой возлюбленного и приняла это как данное, однако позже данное заявление окажется еще одной ложью. Автор использует прием самоанализа, чтобы раскрыть внутреннее переживание героини и реализовать наиболее реалистично. От первого лица Софи рассказывает, как влиял на нее Натан и почему женщина рада, что возлюбленный бросил ее.

Софи и Натан слыли «заядлыми пляжниками», как называл их один из постояльцев дома. Пара часто устраивала пикники, ходила на встречи с людьми, которые даже не нравились Софи и темы их разговоров были для нее непонятны. Натан часто водил женщину в дорогие рестораны, откуда Софи крала меню и оставляла на память. Вещи для нее стали важным атрибутом, так как помогли заменить воспоминания. Еще одной особенностью жизни Софи и Натана были прогулки в экстравагантных нарядах. Натан называл это «маленьким бзиком»: «*Идея принадлежит Софи, – продолжал пояснять Натан, – и она оказалась права. Люди на улице одеты все так тускло. Все одинаковы – точно в униформе. А в такой манере одеваться есть индивидуальность, стиль. Потому и забавно, когда все таращатся на нас... Одежда – штука важная. Это одна из неотъемлемых принадлежностей человека. Так почему же она не должна быть красивой, такой, чтобы носить ее доставляло удовольствие*»¹⁴ [2, с. 87]. Натан пересказывает идею Софи по поводу их развлечения, и цель его отвлечься от мыслей, веселиться. Здесь

¹¹ «... during those months of the previous year his behavior – drug-induced or not – his presence in her life, his entire being, brought her the happiest days she had ever known. She realized how helpless and adrift she had been during that time when she first came to Brooklyn...» [1, p. 216].

¹² «She does not really flinch from the pain but rather absorbs it, collecting it into some cellar or dustbin deep within her being where she has stored up all his savagery: his threats, his taunts, his imprecations. Nor does she weep, yet, as she lies once again in the deepest woods... its convertible top down as it stands minute and solitary in the wind-swept parking lot swirling with leaves and debris» [1, p. 234].

¹³ I realized I was glad that Nathan left me like he done. Really and truly glad, I mean. I was so completely dependent on him, you see, and that was not a healthy thing. I couldn't move without him. I couldn't make a simple little decision without thinking of Nathan first. Oh, I know I had this debt to him, he done so much for me – I know that – but it was sick of me to be just this little kitten for him to fondle [1, p. 241].

¹⁴ «It was Sophie's idea," Nathan explained further, "and she's right. People look drab on the street. They all look alike, walking around in uniform. Clothes like these have individuality. Style. That's why it's fun when people stare at us." ... "Dress is important. It's part of being human. It might as well be a thing of beauty, something you take real pleasure in doing» [1, p. 46].

объясняются мотивы поведения и описываются чувства, выражается собственный взгляд героини на вопрос. Автор использует самоанализ, выраженный повествованием в третьем лице. Данного типа повествования аргументируется тем, что его использование показывает Софи как застенчивого человека, который стесняется высказать свое мнение и признать свое увлечение.

Также неоднократно в трудные минуты Софи спасала музыка, после ссор с Натаном она громко слушала пластинки, чтобы они заглушали ее плач. Иногда героиня слушала музыку, чтобы поностальгировать о доме и довоенных временах, своем детстве. Софи любила музыку до глубины души и очень трепетно к ней относилась, такую любовь ей прививала мама еще с детства. В лагере музыка помогала ей воспрянуть духом и отвлечься от грустных мыслей: *«Торжественная осанна покрыла холодком восторга кожу Софи, словно ее коснулись руки божества, – волны озноба следовали одна за другой; прошла не одна секунда, прежде чем туман и мрак, сквозь которые она, спотыкаясь, брела как сомнамбула, исчезли, будто растопленные лучами жаркого солнца»*¹⁵ [2, с. 320]. Автор использует косвенную форму психологизма, описывая поведение Софи, когда та услышала музыку, доносившуюся из комнаты дочери Хесса. Читатель, зная предыдущий контекст и отношение героини к музыке, должен сам определить внутреннее состояние женщины.

Следует отметить, что музыка занимает значимое место в жизни Софи, так как служит частью предметного мира, создавая необходимую атмосферу для пробуждения определенных чувств. Например, Стинго после самоубийства Софи вспоминал, как она слушала Ларгетто из си-бемоль-мажорного концерта для фортепиано Моцарта: *«Она лежала на постели, закинув согнутую в локте руку и прикрыв ею глаза, а медленные нежные трагические звуки затопляли комнату. Моцарт был так близок к концу своей жизни, когда писал этот концерт, – не потому ли (вспомнились мне ее рассуждения вслух) в этой музыке звучит такая почти радостная покорность судьбе? Если бы на ее долю выпало такое счастье и она стала бы пианисткой, рассуждала вслух Софи, она бы прежде всего выучила наизусть этот концерт и постаралась отшлифовать каждую грань этих «вечных», по ее мнению, звуков»*. До этого Стинго не знал Софи и поэтому не мог понять, о чем она говорила: *«... сказала она, что, слушая этот концерт, всегда представляет себе детей, играющих в сумерках, издали перекликающихся тоненькими голосками, в то время как ночь тихо опускается на зеленую безмятежную лужайку»*¹⁶ [2, с. 693]. Тема Моцарта была близка Софи, поэтому она вела себя так легко и непринужденно. Судя по высказанному ею мыслям, женщина смирилась с тем, что рядом постоянно находится смерть, для героини она виделась как путь к освобождению и прощению. А так как героиня все чаще задумывалась о самоубийстве, то ей было проще понять музыку, чем обычному слушателю.

Таким образом, У. Стайрон изображает прекрасную женщину с тяжелой судьбой, женщину, которая потеряла все: веру, детей, себя и жизнь как таковую. Единственным спасением от уничтожающего чувства вины являются ее развлечения, но, как оказывается в последствии они тоже не в силах помочь. Для отображения эмоционального состояния Софи автор использует прямые и косвенные формы психологического анализа, так как данный прием позволяет отражать и анализировать не только внутренние переживания, но и их внешние проявления. При этом задействованы такие вспомогательные средства как художественные детали и фантазии, что позволяет углубить и усложнить образ персонажа. Жизненные события изображаются посредством косвенной и прямой формы самоанализа, где героиня, сама рассказывая о них, размышляет и делает выводы о своем тяжелом опыте и поступках. В самоанализ также вставляется косвенная форма внутреннего монолога, что позволяет увидеть мысли Софи и распознать ее реакцию. Сочетание данных приемов и их форм позволяет сделать образ героини приближенным к реальному человеку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Styron, W. *Sophie's Choice* / W. Styron. – New York : OPEN ROAD, 2010. – 361 p.
2. Стайрон, У. *Выбор Софи* / У. Стайрон. : пер. Т. Кудрявцева. – СПб. : Радуга, 1993. – 704 с.
3. Мендельсон, М. Романы о Второй Мировой войне / М. Мендельсон // Роман США сегодня – на заре 80-х годов. – М. : Советский писатель, 1983. – С. 372–384.

¹⁵ The ecstatic hosanna moved across her skin like divine hands, touching her with ecstatic ice; chill after chill coursed through her flesh; for long seconds the fog and night of her existence, through which she had stumbled like a sleepwalker, evaporated as if melted by the burning sun [1, p. 162].

¹⁶ She ... stretched out on the bed with one arm flung over her eyes as the slow, sweet, tragic measures flooded the room. He was so close to the end of his life when he wrote it; was that the reason (I remember her wondering aloud) why the music was filled with a resignation that was almost like joy? If she had ever been fortunate enough to have become a pianist, she went on, this would have been one of the first pieces she would have wished to commit to memory, mastering every shading of what she felt was its sound of "forever." ... she said about the piece: that she never heard it without thinking of children playing in the dusk, calling out in far, piping voices while the shadows of nightfall swooped down across some green and tranquil lawn [1, p. 346].